

ТАТЬЯНА
МИХАЛЬ

ДЕТКА!

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Я СЛОМАЮ ТЕБЯ!

18+

Плохие парни

Татьяна Михаль

Детка! Я сломаю тебя!

«Автор»

2026

Михаль Т.

Детка! Я сломаю тебя! / Т. Михаль — «Автор», 2026 — (Плохие парни)

Его спор с друзьями: «Я пересплю с этой малышкой! Спорим?» Её цель: спасти его. Она видит, как люди умирают. И сейчас видит его смерть. Чтобы отвести беду, вступает в его игру. Позволяет ему приблизиться, целует его, отдаёт ему своё тело и душу. И влюбляется, веря, что её чувство взаимно. Но однажды правда о споре выходит наружу... *** Плохой парень, мажор. Хорошая девочка с тёмным даром. И пришла любовь, которая взорвёт всё нафиг.

© Михаль Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	33
Глава 7	39
Глава 8	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Татьяна Михаль

Детка! Я сломаю тебя!

Глава 1

Умирать не страшно, пока это не случается с тобой...

* * *

– МИЛАНА —

Для окружающих это был цирк.

Представление, за которое не нужно платить.

Для этого мажора всего лишь способ самоутвердиться, пнуть смерть под ребро и услышать в ответ ликующий свист друзей.

А для меня – это ледяной ужас, впивающийся в горло тонкими лезвиями, и знакомая тошнота, подкатывающая к самому горлу.

Я шла мимо главного корпуса универа, зажав в руках папку с конспектами по искусству Возрождения, и думала о горячем латте и тишине библиотеки.

Желание было таким же невинным и хрупким, как утренний иней, и этот мажор разбил её рёвом мотора.

Это был не просто звук.

Я вздрогнула от неожиданности.

Парень сидел на мотоцикле, на огромном, брутальном, сверкающем чёрной сталью и хромом монстре.

Кожаная куртка, наглухо застёгнутая, чёрные джинсы, облегающие сильные бёдра, и шлем, скрывающий лицо, но не энергию.

Я сбилась с шага и замерла.

– Нет-нет-нет... – прошептали мои губы.

От парня исходили волны дерзкой, почти животной силы, которая заставляла кровь бежать быстрее, даже если ты просто стояла в стороне.

Толпа уже собралась.

Девчонки визжали от восторга, парни свистели и снимали на телефоны.

Этот дурной мажор был центром их вселенной, их богом на пятнадцать минут.

А потом он рванул с места.

Мотоцикл взревел, вздыбился на заднее колесо и понёсся по узкому пространству между каменными парапетами, описывая смертоносные восьмёрки.

Он играл со скоростью, не чувствуя страха, не в силах отказаться от кайфа.

И я всё видела.

Это началось как всегда, с лёгкой ряби в воздухе, будто кто-то бросил невидимый камень на гладь озера.

Потом появилась дымка.

Сначала она была прозрачная, затем серая.

Но с каждой секундой, с каждым безумным виражом, она сгущалась, темнела, пока не превратилась в густейшую, маслянисто-чёрную пелену, которая обволакивала мотоциклиста с головы до ног.

В ней что-то двигалось.

Я замерла, вцепившись в папку так, что костяшки побелели.

– Не надо. Пожалуйста, не надо, – шептала я.

Но мой дар был глух к мольбам и картина вспыхнула перед внутренним взором с пугающей чёткостью.

Я видела мокрый асфальт, блестящий под одиноким фонарём.

Видела, как мотоцикл, этот прекрасный чёрный зверь, с рычанием уходит в занос.

Слышала оглушительный, разрывающий мир удар... лобовое стекло машины, в которую он врезался, превращалось в паутину из тысячи трещин.

Осколки стекла, сверкающие, как слёзы, летели прямо на меня, смешиваясь с миллиардами искр, высекаемых металлом о металл.

А потом... было тело, его тело.

Искалеченное, неестественно выгнутое.

Я чувствовала хруст ломающихся рёбер, вкус крови на своих губах, солёный, медный.

Ощущала, как его лёгкие, сильные и здоровые, с каждым прерывистым и свистящим вздохом наполняются этой самой горячей кровью.

Он умирал, мучительно, медленно и в одиночестве.

И самое ужасное, я чувствовала всю его боль.

Она прожигала меня насквозь, оставляя на душе безобразные, обугленные шрамы.

– Эй, Шрам, дай жару! – пронеслось над толпой.

Шрам?

Уродское прозвище.

Он сбросил газ, и мотоцикл, подпрыгнув, встал на оба колеса.

Парень сорвал шлем.

И время для меня остановилось.

У него были не глаза, а провалы в иное измерение.

Тёмно-серые, как пепел после пожара, и такие же горящие.

В них читалась насмешка над всем миром, дерзость и... пустота.

Та самая, которую пытаются заполнить адреналином и риском, но которая лишь глубже въедается в душу.

Он провёл рукой по взъерошенным тёмным волосам, и на его лице расплылась наглая, победная ухмылка.

Толпа взорвалась аплодисментами.

Он был жив, молод и прекрасен в своём безумии.

А я стояла, пытаюсь загнать обратно в лёгкие воздух, с трудом сдерживая рыдания.

Потому что я одна знала правду.

Этот парень, чьего имени я ещё не знала, уже был ходячим мертвецом.

Его будущее было написано на мокром асфальте, и в нём не было ничего, кроме страшной боли и крови.

Он что-то крикнул своим друзьям, и его голос, низкий и хриплый, прорезал шум толпы.

Потом его взгляд, скользящий по зрителям, на секунду зацепился за меня.

Стоявшую в стороне, бледную, с огромными глазами, полными неподдельного ужаса, а не восторга.

Наши взгляды встретились, всего на миг.

Но этого хватило.

В его глазах мелькнуло любопытство, смешанное с лёгким презрением.

«Чего уставилась?» – словно говорили они.

Я резко отвернулась, чувствуя, как по щекам текут предательские слёзы.

И почти побежала, спотыкаясь о собственные ноги, стараясь уйти от этого места, от рёва мотора, от чёрной пелены, что плыла за мной по пятам.

Он думал, что бросил вызов университету.

Но он не подозревал, что бросил вызов самой смерти.

А я... я была единственной, кто это видел.

И уже знала, что не смогу просто отойти в сторону и позволить смертельному спектаклю состояться.

Потому что умирать не страшно, пока это не случается с тобой.

* * *

Воздух в кафе был напоен запахами кофе, корицы и свежей выпечки.

Он был таким густым и сладким, что на секунду можно было им задохнуться, притворившись обычной девушкой с обычными проблемами.

Проблемами вроде несданной сессии или неразделённой симпатии к симпатичному парню за барной стойкой.

– Большой латте с кленовым сиропом, пожалуйста, – сделала я заказ.

Мой голос прозвучал хрипло, будто я всё это время кричала.

Возможно, так и было.

Немой крик бывает громче настоящего.

Бариста, весёлый парень с пирсингом в брови, широко мне улыбнулся, и я машинально потянулась к нему своим «взглядом».

Чтобы проверить.

Но нет, вокруг него была только лёгкая, золотистая дымка небольшой тревоги, вероятно, из-за предстоящего экзамена.

Никакой чёрной, маслянистой пелены.

Слава Богу.

Я нашла столик в самом углу, прижалась лбом к прохладному стеклу и зажмурилась, пытаюсь стереть из памяти картинку: серые глаза, полные насмешливого вызова, и чёрная аура, полная его предсмертного хрипа.

Люди всегда думают, что дар – это сила.

Что-то вроде суперспособности из комиксов.

Они не знают, что это проклятие.

Несмываемое клеймо.

Всё началось в семь лет.

Наш кот, Мурзик, старый и ленивый, любил спать на диване.

Однажды я подошла его погладить и увидела тонкую, серебристую ниточку, тянущуюся от него куда-то в потолок.

А вокруг клубился лёгкий туман.

Интуитивно я поняла, что это значит.

Я рассказала маме, что Мурзик скоро уйдёт по серебряной дорожке на небо.

Она посмеялась, погладила меня по голове.

На следующее утро Мурзика не стало.

Мама перестала смеяться.

Потом была бабушка.

За месяц до её инсульта я отказалась с ней обниматься, рыдала и твердила, что от неё «пахнет страшной тишиной».

Тогда меня впервые повели к психологу.

Но настоящий ад начался в четырнадцать лет.

Дар проснулся окончательно, набросился на меня, как голодный зверь.

Я не просто видела ауры.

Я стала чувствовать и проживать последние минуты жизни обречённых.

Помню, мы с мамой и сестрой Лерой стояли на автобусной остановке.

К нам подошёл незнакомый мужчина спросить, который час.

Я подняла на него глаза и закричала.

Не просто вскрикнула, а завывала, забилась в истерике.

Потому что я почувствовала, как обжигающе холодный нож входит мне в живот, я почувствовала вкус крови и земли, услышала свои же хрипы.

Он смотрел на меня как на сумасшедшую и быстро ушёл.

Через три дня его нашли в парке с ножевым ранением в живот.

После этого в моей жизни появились кабинеты с мягкими стенами, белые халаты и препараты, которые должны были «усмирить буйную фантазию».

Родители смотрели на меня глазами, полными страха и стыда.

Моя идеальная старшая сестра Лера, отличница и красавица, просто перестала со мной разговаривать.

Я была пятном на безупречном фасаде нашей интеллигентной семьи.

«Мы просто хотим, чтобы тебе было лучше, дочка», – говорил папа, глядя куда-то мимо моих плеч.

«Ты просто слишком чувствительная, тебе нужно отдохнуть», – твердила мама, не в силах встретиться со мной взглядом.

Они не понимали.

Они не хотели понимать.

Легче было запереть дочь в психиатрической клинике на месяц, чем поверить, что мир не такой уютный и безопасный, каким они его построили.

Там, в палате с зарешеченным окном, я и научилась.

Научилась сжиматься в комок и глотать крики, когда видения накатывали волной.

Научилась прятать дрожь в руках.

Научилась не говорить о том, что вижу.

Молчание стало моим панцирем.

Когда меня выпустили, дом перестал быть домом.

Я стала призраком, который боялись потревожить.

Мы жили в одной квартире, обедали за одним столом, но между нами выросла стена из страха.

Они боялись моего дара.

А я боялась их страха.

– Большой латте с кленовым сиропом готов! – вернул меня из воспоминаний бариста.

Я схватила свой латте и почти выбежала из кафе, направляясь в единственное место, где находила утешение, в университетскую библиотеку.

Искусство, вот оно моё спасение.

Я поступила на искусствоведение, потому что искусство молчаливо и оно не умирает.

На полотнах Караваджо смерть была прекрасна, оправдана светом и композицией.

Она была метафорой, а не кошмаром, который разрывает тебя изнутри.

Я могла часами смотреть на старые холсты, вдыхая запах пыли и старины, и это был единственный способ убежать от запаха крови и страха, что преследовал меня в реальном мире.

Толкнула тяжёлую дверь библиотеки, и атмосферная тишина обняла меня, как старая подруга.

Здесь пахло знанием и вечностью.

Здесь не было места для сиюминутной агонии.

Я прошла между стеллажами к своему привычному столу в глубине зала, где свет от лампы падал мягким кругом, создавая иллюзию безопасности.

И вот, в тишине, осталась только я.

И знание, которое жгло мне душу.

Какой-то парень на мотоцикле.

Явно не первокурсник.

Но я его раньше не видела, хотя уже отучилась в универе три курса.
Перевёлся?
Скорее всего.
Это парень был с глазами цвета грозового неба и улыбкой, обещавшей адреналин и боль.
Его аура была самой сильной, самой чёрной и самой... живой из всех, что я видела.
В ней была не просто смерть. В ней была ярость. Бунт.
И невероятная, душераздирающая жажда жизни.
Он не был просто очередным обречённым.
Он был штормом, запертым в клетку из плоти и костей.
И я одна знала, когда эта клетка распадётся.
Я закрыла глаза, обхватив горячий стаканчик латте, пытаюсь согреть ледяные пальцы.
Но внутри меня всё равно зияла та же ледяная пустота.
Я спасла Мурзика? Нет.
Я спасла того мужчину в парке? Нет.
Я могла спасти бабушку? Нет.
Я спасла хоть кого-то из тех, чью смерть видела? НЕТ.
Что давало мне право думать, что я смогу спасти его?
Этого наглого, прекрасного, обречённого незнакомца с идиотским прозвищем «Шрам».
Но когда я снова зажмурилась, снова почувствовала хруст его костей и вкус его крови
на своём языке.
И поняла, что выбора у меня нет.
Я должна помочь ему избежать смерти.

Глава 2

* * *

– ДАНИЛ –

Адреналин – лучший допинг.

Дешёвый, легальный и чертовски эффективный.

Он не стирает память, нет.

Он просто на несколько минут заглушает вой в твоей голове, пока ты летишь навстречу асфальту на своём железном коне, надеясь, что в этот раз тебе хватит смелости не свернуть.

Мой железный друг рычал подо мной, послушный и смертоносный.

Я только что заставил пару десятков человек замереть.

Их восторг был таким же дешёвым, как и мой кайф.

Они видели только картинку: крутой парень, крутой байк, крутой трюк.

Они не видели расчётов, напряжения каждой мышцы, холодной ясности ума, которая единственная и держала меня в седле.

Я сорвал шлем, вдохнул воздух, пахнувший бензином и их обожанием.

Пустота. Всё та же блядская пустота.

Даже когда Игорь хлопнул меня по плечу, а Сергей крикнул что я без башни, я чувствовал лишь привычную тяжесть за рёбрами.

А потом я увидел ЕЁ.

Девчонка стояла в стороне, будто боялась испачкаться.

В руках у неё папка, прижатая к груди, как щит.

И глаза... Боже, эти глаза.

Огромные, синие, даже бирюзовые, как озеро, в котором тонут.

Но она была не в восторге.

Она была в ужасе.

В том самом, животном, настоящем ужасе, который я видел лишь однажды, в зеркале, в ту ночь.

Наши взгляды встретились на секунду.

Она не покраснела, не отвела взгляд, как делают все.

Она побледнела ещё сильнее.

Потом она развернулась и почти побежала, словно от чумы.

– Чего уставилась? – прошептал я себе под нос.

Этот её взгляд въелся в мозг, как ржавая игла.

Я попытался его стереть, слушал дурацкий смех Игоря.

Бесполезно.

Она смотрела на меня не с испугом.

Её взгляд был... глубже. Пробирающим до костей.

В её нереальных, до неприличия чистых глазах, я увидел не просто страх.

Она как будто с первого взгляда прочла всю мою грязную биографию, напечатанную на внутренней стороне черепа.

Как будто она видела и пепел, и крики, и мою душу.

И её вердикт был тем же, что и у всех: виновен.

Этот взгляд был хуже, чем у моей мачехи.

Хуже, чем молчаливое разочарование в глазах отца.

Потому что он был от незнакомки.

От кого-то, кто не должен был знать.

А она будто знала.

Чёрт возьми, я был в этом уверен.
Гнев поднялся во мне горячей, едкой волной.
Он залил всё внутри – и пустоту, и привычное оцепенение.
Он был почти приятен, этот гнев.
Животворящий.

Потому что это была единственная эмоция, которую я ещё мог чувствовать по-настоящему.

Её взгляд не выходил из головы, даже когда мы всей толпой ввалились в кофейню, даже когда какая-то рыжая цыпочка с искусственными ресницами пыталась ко мне прилипнуть.

Я отшил её.

Мои руки сами собой легли на холодную столешницу, демонстрируя, что садиться рядом не позволю.

Руки, которые все так жаждали потрогать.

Руки, покрытые татуировками. Птица Феникс, восстающая из пепла. Череп. Геометрические узоры.

Искусная работа, дорогая.

Лучший мастер города трудился.

А под ними – стянутая ожогами кожа.

И сегодня я снова вспомнил.

Отец и мачеха были на празднике у друзей.

А я, как последний урод, заснул с сигаретой в руке.

Проснулся от запаха дыма и крика младшей сестры.

Огонь был повсюду.

Дверь в её комнату вышиб ударом плеча.

Дым, едкий и чёрный, выедающий глаза, заполнил лёгкие.

Я не вытащил её.

У её кровати рухнул сам, наглотавшись этого адского смрада.

Очнулся уже в больнице.

Первое, что увидел – это лицо отца.

Серое, разбитое.

А потом голос мачехи, холодный, как лёд:

– Убийца. Ты – убийца. Ты убил мою дочь!

Отец, наверное, простил.

Купил мне шикарную клетку в небоскрёбе с панорамными окнами, откуда виден весь город.

Он платит за всё: за мою учёбу, на которую я забиваю, за байки и мои выходки.

Он платит молча, потому что слова закончились в ту ночь.

Я его живое напоминание о том, что он потерял.

И он не знает, что со мной делать.

Он меня ненавидит, и он меня любит. Я его сын, его кровь и плоть. Плод первой любви.

Да к чёрту всё!

Снова сменил универ.

Пятый курс, как-то дотянул.

Мне плевать на корочку.

Мне плевать на всё.

У меня есть мои ребята, которые держатся рядом из-за денег и халявы, есть девчонки, которых хватает на одну ночь, и есть мотоциклы.

Мотоциклы – это единственное, что никогда не врёт.

Металл, бензин, скорость.

Они не смотрят на тебя с укором.
Они не шепчут за спиной «убийца».
Они просто есть. И они требуют лишь одного – уважения к скорости.
А ещё я умею заставлять их летать.
Фристайл. Прыжки с трамплина. Это то, что я решил попробовать в скором времени.
Единственное, что ещё может заставить меня что-то чувствовать.
Я допил свой эспрессо, оставив на столе чаевые, и вышел на улицу.
Солнце светило слишком ярко.
Надел очки.
Игорь подошёл, хитро ухмыляясь.
– Что, Шрам, понравилась та ботаничка? С кислым лицом?
Его ухмылка резанула по нервам.
Я пожал плечами.
– Похоже, ты её напугал до усрачки своим шоу.
Она не была напугана. В её взгляде был ужас.
– Говорят, что она – ходячая невинность, – продолжил Игорь, закуривая. – Спорим, ты её не расколешь?
Подошли остальные парни.
– О чём базар, бро? – спросил Серёга.
– О ботанше, что вылупилась на Шрама. Поговаривают, что она странная, а ещё заучка.
И девственница, хотя на третьем уже учится.
– И?
– Вот думаю, расколёт её Шрам или она пошлёт его? – заржал Игорь.
Парни переглянулись.
Я дёрнул плечами.
– Слушай, Данил, твой байк против моей тачки, идёт? – предложил Игорь.
Остальные присвистнули.
– Это жёсткий спор, Шрам, – нахмурился Серый. – Даже жестокий.
Спор. Всегда блядский спор.
Единственный способ что-то доказать. Себе. Всем.
Но сейчас это было не просто желание победить.
Это была жажда мести. Мести за этот взгляд.
За то, что она посмела смотреть на меня, как на монстра.
Хорошо. Она получит монстра.
Я медленно повернулся к нему.
Гнев кипел во мне, но голос прозвучал ледяным и ровным.
– По рукам, – бросил я. – Но это будет не просто спор.
– А что? – не понял Игорь.
Я усмехнулся, чувствуя, как по жилам снова разливается адреналин.
Единственное, что заставляло меня чувствовать себя живым.
– Я не просто расколю её. Я пересплю с ней, влюблю в себя, а потом... сломаю.
Слова повисли в воздухе, тяжёлые и ядовитые.
Я сам почувствовал их горечь на языке.
Но отступать было поздно.
Адреналин уже тёк по венам, обещая новый, тёмный кайф.
Игорь присвистнул, и в его глазах читалось неподдельное восхищение.
– Ну ты и мудака, Шрам! – весело крикнул он, будто я только что предложил сходить на бойню развлекаться.
– Срок тебе – три месяца! – бросил он, как вызов.

Три месяца. Девяносто дней, чтобы разрушить чью-то жизнь.
Чтобы доказать...

А что, собственно, я хотел доказать?

Что я и вправду тот монстр, каким меня все считают?

– Идёт. Готовь тачку. Она будет моя.

Мы пожали руки.

Его хватка была твёрдой, моя – каменной.

Я уже чувствовал грязь этого пари на своей коже.

Сергей, молча наблюдавший за всем этим, с мрачным видом разбил наши руки.

Старинный жест.

– Спор заключён, – пробормотал Серый, и в его голосе прозвучала тень чего-то, что было похоже на сожаление и осуждение.

Мне было плевать.

Я отдернул руку и сунул её в карман куртки, словно пытаюсь стереть с ладони липкое ощущение только что произнесённой клятвы.

– Это будет интересно, – веселился Игорь. – А теперь идём на пары, пока нас снова не выперли.

* * *

– **МИЛАНА** —

Библиотека была моей отдушиной. Своего рода тайное убежище.

Здесь царил запах старых книг и тишины, здесь время замедляло свой бег, а реальность отступала, уступая место вечным сюжетам, застывшим на холстах и в строчках.

Здесь я могла полной грудью дышать.

Я искала «Символизм в искусстве Прерафаэлитов».

Последний экземпляр должен был быть где-то здесь, на верхней полке.

Вставая на цыпочки, протянула руку, кончики пальцев уже почти коснулись грубого корешка.

И вдруг... книги не стало.

Кто-то другой, кто-то высокий и стремительный, легко достал книгу прямо у меня над головой.

Я замерла, ощущая присутствие за спиной.

Оно было таким большим, плотным, что перекрыло поток воздуха и солнечный свет из окна.

Я почувствовала исходящее от него тепло.

Медленно, как в плохом сне, я обернулась.

И попала в ловушку его глаз.

Серых, как пепел после пожара.

Насмешливых, пронзительных и до боли живых.

Это был он.

Тот самый парень с мотоциклом.

Тот, чью смерть я недавно пережила в своих видениях.

– Держи, – сказал он, и его голос был низким, чуть хриплым, будто приправленным дымом и ночными улицами.

Он протягивал мне книгу.

Я, не в силах оторвать от него взгляд, машинально протянула руки.

В ту же секунду меня окутал его запах.

Это был не просто парфюм.

Это был аромат чистого, беспримесного греха.

Холодный бриз, бьющий в лицо на пустой трассе.

Соль на губах после поцелуя с незнакомцем.

Терпкая горечь глинтвейна, согревающая изнутри холодной осенней ночью.

И что-то ещё... дикое, неукротимое, пахнущее свободой и опасностью одновременно.

От этого запаха закружилась голова, и предательски слабели колени.

Я взяла книгу, наши пальцы встретились.

И мир взорвался.

Не метафорически. Физически.

Белая, ослепляющая вспышка боли ударила мне в висок.

Я не просто «увидела», я снова оказалась там.

«Лязг. Оглушительный, разрывающий тишину. Не мой крик, а визг металла, скручивающегося в неестественной позе. Мотоцикл, его прекрасный чёрный зверь, выворачивается, подминает меня под себя. Острая, жгучая боль в боку, рёбра ломаются с сухим хрустом. Глотка заполняется тёплой, солёной жидкостью. Кровь. Я задыхаюсь. Я тону в собственной крови. Асфальт холодный и шершавый под щекой. В глазах темнеет...»

Я резко отдернула руку, словно обожглась.

Тяжёлый фолиант с грохотом рухнул на пол.

Я стояла, дрожа, пытаюсь загнать обратно в лёгкие воздух.

Перед глазами всё ещё плясали чёрные пятна, а в ушах стоял тот самый, леденящий душу лязг.

Парень смотрел на меня с неподдельным изумлением.

Его наглая ухмылка сменилась выражением лёгкого недоумения, даже раздражения.

– Прости... – прошептала я, и мой голос прозвучал чужим и надтреснутым.

Это было всё, что я смогла выжать из себя.

Развернувшись, я почти побежала прочь, оставив его стоять над упавшей книгой.

Я бежала, чувствуя, как его запах, этот пьянящий, греховный аромат преследует меня, смешиваясь со вкусом его крови у меня на губах.

Наверное, он подумал, что это случайность.

Неловкость застенчивой девочки.

Но я-то знала правду.

Прикосновение к нему было прикосновением к его судьбе.

И его судьба была разбита вдребезги.

Глава 3

Страх – это не отсутствие храбрости. Это понимание того, что на кону стоит всё...

* * *

– МИЛАНА —

Я мчалась по коридору общежития, словно за мной гналась свора бешеных псов.

В ушах всё ещё стоял тот самый оглушительный лязг, а на губах был привкус его крови.

Идиотка.

Бестолковая, трусливая идиотка.

У меня был такой шанс!

Прямо сама судьба в руки мне подкинула эту возможность заговорить с ним, узнать его имя, хоть как-то начать выстраивать этот хрупкий мостик между его безумным миром и моим.

А я?

Я едва не устроила истерику из-за прикосновения и сбежала, как трусливый заяц.

Всегда так.

Увидела, испугалась, убежала.

Заперлась в своей башне из книг и тишины, пока чья-то жизнь не оборвалась в муках.

Удобная позиция труса.

Я ворвалась в свою комнату, захлопнула дверь и прислонилась к ней спиной, пытаюсь отдышаться.

Злость на саму себя была едкой и горячее, словно кислота.

Она разъедала изнутри, и от этого было ещё больнее.

Как ему помочь?

Как подойти и сказать: «Привет, я вижу твою смерть в ярких подробностях, давай-ка ты не будешь садиться на мотоцикл в дождь»?

Меня либо пошлют куда подальше, либо снова упекут в психушку.

Оба варианта мне не нравились.

Чтобы унять дрожь в руках, я на автомате принялась готовить ужин.

Нарезала овощи для салата, сварила лёгкий куриный суп.

Ритуалы нормальной жизни.

Они всегда немного успокаивали.

Я уже представляла, как мы с Кариной поужинаем, посмотрим сериал, и я хотя бы на пару часов забуду о серых глазах и запахе этого невозможного парня.

Но Вселенная, похоже, решила, что мне мало адреналина.

Дверь с треском распахнулась, и на пороге возникла Карина, сияющая, как новогодняя ёлка, и пахнущая духами и свежими сплетнями.

– Ты вовремя, я как раз ужин сделала, – сказала я отчего-то ворчливым тоном. – Салат и суп.

– Моя прелесть, забудь ты про супчик! – возвестила она, сбрасывая куртку. – Нас ждет событие века! Вечеринка у «Цербера»!

– У кого? – не поняла я.

Карина закатила глаза и объяснила, у кого.

Данил Белов его зовут. Прозвище «Шрам».

Моё сердце провалилось куда-то в районе желудка.

А «Цербер», – это его компания из таких же отпетых парней.

– Карина, нет, – заныла я, чувствуя, как по спине бегут мурашки. – У меня куча домашки. И голова болит. И, кажется, я начинаю болеть простудой... Кхе-кхе!

– Просто отлично! – ни капли не смутилась она. – Там как раз полно симпатичных парней, которые с удовольствием тебя «вылечат» от любой простуды и головной боли! Собирайся!

– Я не пойду. У меня нет ничего подходящего, – держала я оборону.

– О, это мы сейчас исправим! – с хищным блеском в глазах Карина ринулась к моему шкафу, вывалила всё содержимое на кровать и принялась критически оценивать «добычу». – Так... Нет. Нет. Боже, Мила, это похоже на одежду для исповеди. А это? Ты что, собираешься хоронить кого-то? Опять нет!

В итоге в её руках оказались мои единственные короткие шорты, чёрные колготки в сеточку, обтягивающий топ и...

Она подошла к своему шкафу и достала свои сапоги-ботфорты.

У нас с Кариной один размер одежды и обуви.

– Твой гардероб на сегодняшнюю вечеринку! Одевайся!

– Я буду выглядеть как шлюха! – взвыла я в ужасе, хватая свои застиранные джинсы и бесформенную футболку, мою броню, за которой можно было спрятаться. – Я надену это...

– Ты будешь выглядеть как богиня искушения! – поправила она меня, выдёргивая джинсы из моих рук. – Мила, ты молодая, у тебя фигура, о которой я могу только мечтать, а ты прячешь всё это под балахоном монашки-отшельницы! Ещё успеешь наряжаться в мешки из-под картошки, когда тебе будет пятьдесят, и твоим единственным спутником жизни будет толстый кот по имени Персик!

– Какая же ты стерва... – прошипела я беззлобно, чувствуя, как сопротивление тает.

– Нет, я стерва-умница? – хихикнула она, уже раскрывая свою необъятную косметичку.

– О, Боже... – она заглянула и в мою скромную косметичку и фыркнула. – У тебя даже красной помады нет! Ну, куда это годится? Как ты собираешься соблазнять крутых парней, вооружившись одним лишь блеском для губ с вишневым вкусом?

– Я никого не собираюсь соблазнять! И я не буду красить губы красной помадой! Фу!

– Ещё как будешь! – заявила она, вооружившись тюбиком с помадой оттенка «запретный плод». – Я тебе и губы накрашу, и стрелки подведу такие, чтобы сама Клеопатра рыдала от зависти, и ресницы наклею 5D. Я новые купила, клей просто бомбический, будешь ходить с ними до самой пенсии.

Я закрыла глаза, понимая, что битва проиграна.

Сопrotивляться Карине было всё равно, что пытаться остановить ураган силой мысли.

– Я тебя убью, – сдалась я, позволяя ей усадить меня на стул.

– Знаю, милая. Знаю. Но сначала ты скажешь мне спасибо, – прощепетала она, принимаясь за мою физиономию с усердием визажиста, готовящего невесту к свадьбе.

Через полчаса я смотрела в зеркало и не узнавала себя.

Девушка из отражения была дерзкой, соблазнительной и... чужой.

И где-то глубоко внутри, под слоем страха и злости, шевельнулось крошечное, опасное чувство – предвкушение.

* * *

Такси несло по ночному городу, а Карина трещала без остановки, словно заведённая.

Она сыпала именами – Игорь, Сергей, куча других, что слились в один фон.

Единственное имя, которое впилося в моё сознание, было одно.

Данил Белов. По прозвищу «Шрам». Главный в этой банде.

– ...и этот клуб держит старший брат одного из них, так что там полный отрыв! Ну, кроме всякой запрещёнки, конечно, ха-ха! – Карина взвизгнула от восторга.

Я смотрела в окно, притворяясь, что слушаю.

Зачем мне это?

Зачем я лезу в это логово, где меня ждёт тот самый нестерпимый взгляд?

И тут до меня дошло, холодной и ясной волной: я иду туда, потому что должна.

Он может быть монстром, может быть грехом во плоти, но я не могу позволить чёрной ауре поглотить его.

Такси свернуло в промзону.

Место напоминало декорацию к постапокалиптическому триллеру.

Заброшенные корпуса завода с выбитыми окнами, похожие на черепа гигантов.

Ржавые железные конструкции, упирающиеся в тёмное грязное небо.

И лишь у одного, самого мрачного здания, кучковалась толпа.

Дорогие машины и мотоциклы, припаркованные вкривь и вкось, казались инопланетными кораблями, приземлившимися на руины.

– Ну что, вот мы и приехали на бал! – сообщила Карина, сияя.

Подруга расплатилась с таксистом и вытащила меня наружу.

Воздух был холодным и пах ржавчиной, пылью и едким городским смогом.

Охранник у двери, здоровенный детина с шеей быка, преградил нам путь.

Оценивающе окинул нас взглядом.

– Вас нет в списке, – буркнул он, когда Карина назвала наши имена.

– Ой, да брось, я – Карина! Звони Игорю! – подруга без тени смущения ослепила его улыбкой.

Тот нехотя достал телефон, пробормотал пару слов в трубку и кивнул:

– Проходите.

Дверь захлопнулась за нами, и мы оказались в едва освещённом коридоре.

Единственный путь вёл вниз, по узкой бетонной лестнице, в самое чрево здания.

В подвал.

А потом на меня обрушилось «это».

О нет, Не музыка.

Музыка должна звучать прекрасно.

А здесь она была не просто громкой.

Она была похожа на физическую атаку!

Глухие, мощные удары бас-гитары били прямо в грудь, вышибая воздух.

Визгливый вокал впивался в барабанные перепонки, а ритм ударных совпадал с бешеным стуком моего сердца.

Думаете, это звук? О, нет. Это, чёрт побери, стена, об которую разбивались все мысли и разумные доводы.

Меня чуть не отбросило назад этой звуковой волной.

Воздух был густым и тяжёлым, пах потом, духами, пивом и сладковатым дымом от сценической машины.

Я закашлялась, глаза заслезились.

Ощущение было такое, будто меня окунули с головой в кипящий, шумный океан, где нет ни верха, ни низа, только хаос.

Карина что-то прокричала мне прямо в ухо, но я не услышала ни слова, только ощущала движение её губ.

Она сияла, её глаза блестели от возбуждения.

Потом она махнула рукой, крикнула:

– Я за коктейлями! – и растворилась в мелькающих телах танцпола.

И я осталась одна, как дура.

Совершенно одна в этом адском котле, зажатая между незнакомыми людьми, оглушённая, ослеплённая мигающими стробоскопами.

Я прижалась спиной к прохладной бетонной стене, пытаюсь унять дрожь в коленях.

Это было ошибкой.

Сюда нельзя было приходить.

Я не принадлежала этому миру.
И именно в этот момент, сквозь толпу, сквозь дым и мерцающий свет, я увидела ЕГО.
Он стоял на возвышении у барной стойки, опершись на столешницу, и смотрел прямо на меня.

Данил Белов.

В его руке был стакан с тёмной жидкостью, а в глазах вспыхнула... нет, не насмешка, а холодное, изучающее любопытство.

Он видел мой ужас.

Видел, что я не на своём месте.

И ухмыльнулся.

Словно говорил: «Ну что, детка? Ошиблась дверью?»

И что-то внутри меня, зажатое и затравленное, вдруг выпрямилось.

Нет. Я не сбегу. Не в этот раз.

Я оттолкнулась от стены и сделала шаг вперёд, навстречу оглушительному ритму, навстречу его взгляду.

Шаг в сторону своей судьбы.

И меня сильно толкнули...

Чей-то локоть с силой врезался мне в плечо.

Нелепые, предательские каблуки этих ботфорт подкосились.

Мир опрокинулся, превратившись в мелькание чужих ног и мигающих огней.

Я рухнула.

Больно и некрасиво, распластавшись на липком от пролитых напитков полу, как морская звезда, выброшенная на берег во время шторма.

– А-а-ай! – взвизгнула я, когда чей-то тяжёлый ботинок больно придавил мою руку.

Но мой крик утонул в рокоте гитар.

Боль, острая и унижительная, пронзила запястье.

Стыд залил щёки огнём.

Я пыталась подняться, но меня снова и снова толкали, пинали, отбрасывали назад.

Эти тела, дёргающиеся в такт оглушительному хаосу, казались мне бездушными марионетками.

Какое наслаждение они находят в этом грохоте?

Это не музыка!

Это звуковая пытка, противное визжание, от которого трещит череп!

Ярость, горькая и беспомощная, закипела во мне.

Я возненавидела их всех.

Возненавидела это место, заодно и себя за свою слабость.

И вдруг... толпа расступилась.

Передо мной возникли чёрные ботинки, а потом и ладонь.

Большая, с длинными пальцами, испещрённая мелкими шрамами и татуировками.

Рука, которая могла и сломать, и спасти.

Сердце ушло в пятки.

Медленно, преодолевая стыд и боль, я подняла голову.

Он стоял надо мной.

Данил.

Не смеялся.

Его лицо было серьёзным, а в глазах, таких же серых и неумолимых, как буря, читалось нечто, отдалённо напоминающее... интерес?

Я, затаив дыхание, вложила свою дрожащую ладонь в его.

Сильные пальцы сомкнулись вокруг моей руки, и по телу разлилась волна странного, согревающего спокойствия.

Он легко поднял меня, будто я невесомая пушинка, и в следующее мгновение притянул к себе.

Мир сузился до него одного.

Музыка для меня внезапно стихла.

Толпа будто исчезла.

Остался только он. Его твёрдое и тёплое тело, к которому я была прижата.

Его запах – это дым, солёное море и что-то неуловимо пряное, от чего кружилась голова.

И его голос, низкий и хриплый, который я почувствовала скорее вибрацией, чем услышала:

– Осторожнее, малышка. Здесь нельзя зевать.

От его горячего дыхания по моей шее пробежали мурашки.

Это было гипнотически пугающе.

Я боялась пошевелиться, боялась, что видение вернётся.

Но нет. Был только он.

Только это головокружительное ощущение близости, от которого ноги вдруг стали ватными.

– Я не зевала, – прошептала я, и мой голос прозвучал хрипло и глухо, как будто из другого измерения.

Уголок его губ дрогнул в лёгкой, почти невидимой улыбке.

– Идём, где потише, познакомлю тебя с друзьями.

Его губы снова оказались у самого моего уха, и на этот раз они едва коснулись кожи.

Электрический разряд пронзил меня до самых пяток.

– Кстати, я Данил.

Он отпустил мою руку, но тут же взял её снова, уже за запястье, и повёл за собой сквозь толпу.

Его прикосновение было властным.

– А я – Милана, – сказала я его спине, смущённо улыбаясь.

Он не обернулся.

Не слышал.

Или сделал вид, что не слышал.

Но это уже не имело значения.

Он вёл меня за собой.

Глава 4

Есть два вида огня.

Один – согревает.

Другой – сжигает дотла.

В его глазах я увидела оба.

** * **

– **МИЛАНА** —

Он провёл меня сквозь хаос, пред ним все расступались.

Его хватка на моём запястье была твёрдой, но в ней не было грубости.

Скорее... уверенность.

Та самая уверенность, которая заставляет толпу расступаться, а сердце бешено колотиться.

Мы подошли к диванному уголку в глубине зала, где шум музыки был чуть приглушённый.

Там, в клубах дыма, сидели его друзья. Его свита.

Парни с дорогими часами на запястьях и пустыми глазами.

Девушки с идеальным макияжем и голодными взглядами, скользившими по Данилу, а потом оценивающе по мне.

– Детка, а как зовут тебя? – спросил Данил, всё ещё не отпуская моё запястье.

Его большой палец невольно провёл по моей коже, и я вздрогнула.

Чёрт, это было приятно.

– Милана, – выдохнула я, чувствуя, как горит от смущения лицо.

Он приподнял бровь, и в его глазах мелькнула искорка интереса.

– Милана. Милая, значит, – произнёс он, и моё имя на его устах прозвучало как-то по-новому. Нежно. Притягательно. Опасно.

Он повернулся к своим.

– Банда, это Милана.

Он кивком указал на троих парней.

– Это Игорь, Сергей, Виталик.

Парни лениво кивнули.

Но их взгляды были странные.

В них не было простого любопытства.

Было ожидание.

Предвкушение, словно они наблюдали за началом спектакля, исход которого им уже известен.

Я почувствовала себя кроликом перед удавом.

Но, слава Богу, ни на одном из них не было и намёка на ту чёрную, маслянистую пелену.

Сегодня смерть брала выходной.

Только я и мой личный грешник.

– Что будешь? Пиво, водку, виски или... – начал Данил, его взгляд скользнул по моему лицу, выискивая слабость.

Я скривилась, вспомнив единственную попытку выпить шампанское на свой совершеннолетний день рождения.

Видения тогда были слишком яркими и неконтролируемыми.

– Я не пью, – сказала с нажимом, готовясь к насмешкам. – Мне не нравится, когда моя голова мне не принадлежит.

– Но ты ж в клубе! – возмутился тот, кого называли Игорем. Его ухмылка была откровенно неприятной. – Здесь нужно пить, кутить и отрываться на всю катушку!

Я покачала головой, чувствуя, как нарастает раздражение.

– Я буду безалкогольный мохито.

Данил, к моему удивлению, не стал настаивать.

Он просто кивнул, его взгляд стал чуть более пристальным, изучающим.

– Слышал, Вить? – бросил он одному из парней. – Волоки мохито. И чтобы ни капли алкоголя. Понял меня?

– Понял-понял, – пробурчал тот, поднимаясь с места, и направился к бару.

Следующее, что произошло, заставило моё сердце пропустить удар.

Данил мягко, но недвусмысленно толкнул меня в сторону дивана, указывая на место рядом с собой.

Я была не напротив и опустилась на мягкую кожу, ощущая исходящее от Данилы тепло.

И тут же с другой стороны ко мне прильнул один из его приятелей, Игорь.

Он обнял меня за плечи.

От парня пахло потом и пивом.

– Чем любишь заниматься в выходные, красотка? – прошептал он мне в ухо пьяным шёпотом.

Я застыла, скованность вернулась в одно мгновение.

Но прежде чем я успела что-то сказать, Данил рывкнул на него, и в его голосе прозвучала сталь:

– Отвалил от неё!

Одним движением он сбросил руку парня с моего плеча.

А затем... затем он сам обнял меня.

Его рука легла на мою талию, твёрдо и уверенно, притягивая меня ближе.

Весь мир сузился до него.

До его запаха.

До тепла его тела, согревавшего мой бок.

Я обалдела. Мягко говоря.

Но возражать... не стала.

Возражения застряли где-то в горле, подавленные странным, щемящим чувством защищённости.

С ним было... приятно.

Пугающе, головокружительно приятно.

И даже оглушительный грохот музыки и давящая атмосфера клуба вдруг перестали казаться такими враждебными.

Они стали просто фоном.

Вскоре прибыли напитки.

Витя поставил передо мной высокий стакан с мятой и лаймом.

Я сделала глоток, сладкая, приятная прохлада и ни грамма алкоголя.

Данил проследил.

Это маленькое проявление заботы заставило что-то ёкнуть внутри, зашевелиться запретной надежде.

Он не убрал руку с моей талии.

Его пальцы лежали на моём боку, как будто, так и должно было быть.

Каждое прикосновение прожигало ткань топа, посылая по коже волны тепла.

Я сидела, застывшая, боясь пошевелиться, чтобы не спугнуть этот странный, хрупкий момент.

Разговор за столом тёк вокруг меня, как отдаленный шум.

Парни что-то обсуждали, их голоса были то насмешливыми, то напряжёнными.

– ...ну, готовься прощаться со своей тачкой, Игорёха, – сказал Сергей, поднимая свой стакан с виски. – Ты же знаешь, он никогда не проигрывает.

Игорь, что пытался клеиться ко мне, мрачно нахмурился и пробурчал:

– Ещё не вечер. Всё может перемениться.

Я почувствовала, как мышцы рука Данила на моей талии слегка напряглась.

Он не повернул голову, его взгляд был устремлён куда-то в глубь зала, но на его губах играла хищная, уверенная ухмылка.

– Я в себе нисколько не сомневаюсь, – произнёс он уверенно.

В его голосе была такая леденящая душу убеждённость, что мне стало не по себе.

Они говорили о каком-то пари?

Очевидно, поспорили на что-то очень ценное.

На машину Игоря, похоже.

Глупые мужские игры.

А у меня была своя игра.

И ставка в ней – его жизнь.

Мысль вертелась в голове, навязчивая и неотступная:

«Скажи ему в удачный момент. Скажи. Скажи, что его мотоцикл – это его смерть. Что сталь и асфальт разорвут его на части».

Я думала, подбирала слова, которые скажу ему, когда появится подходящий момент.

Но не знала, что сказать, чтобы эти слова не прозвучали бы как бред сумасшедшей.

«Привет, мы только что познакомились, но я вижу будущее. Ты умрёшь, если не бросишь езду на мотоцикле. Прекрасного вечера!»

Нет.

Он никогда не поверит.

Посмотрит на меня с тем же отвращением и страхом, что и моя семья.

И в его глазах снова появится ледяная стена.

Нет. Не сейчас, когда его тепло проникало сквозь одежду, напоминая, что он живой, настоящий.

Не когда его близость вызывала дурацкое, предательское любопытство.

Он повернул голову, и его взгляд упал на меня.

Тёмно-серые глаза изучали моё лицо, будто читая борьбу, происходящую внутри.

– Тебя не колбасит от этой музыки? – спросил он, его губы снова оказались опасно близко к моему уху.

Я покачала головой, потом пожала плечами, не в силах вымолвить ни слова.

Колбасило, но не от музыки.

От его прикосновения.

От невозможности сказать правду.

От осознания, что я сижу рядом с ходячим мертвецом, и мне это... нравится.

Он улыбнулся, его пальцы слегка сжали мой бок.

Лёгкое, почти невесомое движение, от которого перехватило дыхание.

Смерть могла и подождать.

И тут музыка изменилась.

Резко, будто кто-то вырвал шнур из розетки, обесточив хаос.

Грохочущий металл сменился томными, чувственными нотами, плывущими над размеренным ритмом ударных.

Это была музыка, от которой по коже бегут мурашки.

Музыка для темноты и откровений.

Данил замер на мгновение, его пальцы всё так же лежали на моей талии.

Потом он медленно повернул ко мне голову.

В его глазах плясали теперь отблески приглушённого света, делая их глубокими, как ночное небо.

– Потанцуем? – произнёс он. Его голос был низким, звучал почти шёпотом, но для меня он прозвучал громче любого крика.

За столом воцарилась мёртвая тишина.

Игорь, подносивший ко рту бутылку, поперхнулся, и напиток брызнул на стол.

Виталий хохотнул и что-то пробурчал невнятное.

Девушки переглянулись с немим вопросом, а Сергей негромко, но чётко произнес:

– Шрам, ты ли это?

Данил проигнорировал их.

Его взгляд был прикован ко мне, выжидающий и пытливый.

В этом взгляде не было насмешки.

Был вызов.

– С удовольствием, – выдохнула я, и моё сердце заколотилось где-то в горле.

Он поднялся, не отпуская моей руки, и повёл меня на танцпол.

Толпа расступалась перед ним, как и раньше.

Они видели нечто из ряда вон выходящее: Данил Белов по прозвищу Шрам, который не танцевал. Никогда.

А сейчас он вёл за собой какую-то ботаничку, которая вырядилась как девица лёгкого поведения.

Мы вышли на свободный пятачок.

Он развернулся ко мне, и одна его рука крепко обхватила мою талию, прижимая к себе так близко, что я почувствовала каждый мускул его торса сквозь тонкую ткань его футболки.

Другая взяла мою руку, его пальцы переплелись с моими.

Я подняла свободную ладонь и положила ему на плечо.

Боже, он был высоким.

Даже на этих дурацких каблуках моя голова едва доставал ему до подбородка.

Я чувствовала тепло его кожи, твёрдую, рельефную мускулатуру под ней.

Он был живое воплощение силы и энергии.

И мы задвигались в такт музыке.

Не было никаких заученных па.

Просто медленное, почти интуитивное раскачивание.

Его тело вело моё с такой уверенной властью, что мне не нужно было думать.

Только чувствовать.

Чувствовать, как его бёдра в такт касаются моих.

Чувствовать, как его дыхание шевелит мои волосы.

Чувствовать его запах, теперь, вблизи, он был ещё сложнее.

Дым, соль, но ещё и чистый, свежий запах его кожи, смешанный с едва уловимым ароматом дорогого парфюма. Запах мужчины, который сводил с ума.

Я закрыла глаза, позволив голове чуть склониться, почти касаясь его груди лбом.

В его объятиях не было ничего от того хаоса, что царил вокруг.

Здесь была тишина.

И в этой тишине я была в безопасности.

Одна его рука скользнула чуть ниже по моей спине, прижимая ещё ближе.

Я услышала, как его сердце бьётся – ровно, мощно.

И головокружительное осознание того, что в этот миг я принадлежу ему, а он – мне.

Это было страшно, запретно.

Это было самое невероятное ощущение в моей жизни.

Мир сузился до такта этой чудесной мелодии, до тепла его рук, до безопасной гавани его объятий.

Я почти забыла, кто он, и кто я.

Почти.

Но моя жизнь, похоже, была заточена на то, чтобы приятные моменты длились не дольше, чем вспышка молнии.

Грубый, сильный толчок в спину заставил меня ахнуть и резко рвануться вперёд, сильнее впечататься в Данилу и толкнуть его.

Он удержал меня, его руки мгновенно напряглись, превратившись из нежных в стальные.

Музыка не смолкла, но «магия» был разрушена.

– Сучка! Смотри, где танцуешь! – крикнули мне.

– Живо извинись! – прорычал Данил кому-то за моей спиной.

Его голос был низким и звериным, таким, от которого по спине пробежал ледяной холод.

Я обернулась.

За мной стоял громила.

Высокий, как Данил, но массивный, с коротко стриженной головой и бычьей шеей.

Его лицо расплылось в наглой, самодовольной ухмылке.

– Пошёл ты... – сипло произнёс он. – Я ещё перед всякими сучками не извинялся!

Воздух сгустился, стал тяжёлым.

Я видела, как изменилось выражение лица Данила.

Исчезла последняя тень расслабленности.

Его глаза, ещё секунду назад мягкие и задумчивые, стали пустыми и невероятно холодными.

Как лёд на поверхности озера, под которым бушует тёмная вода.

– Нет, не надо... – сказала я, пыталась удержать его руку в своей, но он выдернул ладонь из моей.

Он двигался не как человек.

Как пантера.

Он не стал размениваться на слова.

Его кулак со всей силы врезался в ухмыляющееся лицо громилы.

И развернулся ад.

Я закрыла рот ладонками, чтобы не закричать.

Громкий, влажный звук удара кости о кость пробился даже сквозь музыку.

Толпа вокруг нас взорвалась.

Кто-то оттащил меня в сторону, освобождая место драки.

Люди сомкнулись в круг, их лица исказились в гримасах первобытного азарта.

– Шрам! Шрам! Шрам! – скандировали они.

Лысый, отшатнувшись, был ошеломлён.

Он рывкнул что-то от ярости и пошёл в ответную атаку.

Его удар, тяжёлый и неуклюжий, пришёлся Данилу в челюсть.

Я услышала отвратительный щелчок и увидела, как голова Данила резко дёрнулась назад.

По моему телу прошёл ледяной ужас.

Но парень даже не пошатнулся.

Он просто сплюнул кровь на пол и снова бросился вперёд.

Данил бил точно, методично, с пугающей жестокостью.

Его кулак врезался в живот громилы, заставив того согнуться с хриплым выдохом.

Следующий удар – ребром ладони по шее. Ещё один последовал в висок.

Лысый пытался сопротивляться.

Он поймал Данила в захват, пытаясь сломать ему рёбра своей массой.

На лице Данила на мгновение мелькнула гримаса боли, но он резко дёрнулся, нанёс короткий удар в колено противнику.

Тот завыл и ослабил хватку.

– Давай, Шрам! Завали этого мудилу! – орал кто-то сбоку.

Данил воспользовался моментом.

Он зашёл сбоку, схватил лысого за голову и с размаху ударил его лицом о своё поднятое колено.

Раздался отвратительный, костяной хруст.

Громила рухнул на пол, беззвучно хрипя, кровь хлестала из его разбитого носа, заливая лицо и пол.

Данил стоял над ним, дыша тяжело и прерывисто.

Его костяшки были содраны в кровь, на скуле наливалась гематома.

Он был прекрасен и ужасен, как падший ангел, только что совершивший казнь.

Его грудь вздымалась, а во взгляде всё ещё бушевала та самая чёрная, неукротимая ярость.

Он повернул голову и посмотрел на меня.

Сквозь туман адреналина и гнева в его глазах мелькнуло что-то ещё – вопрос.

Что-то похожее на сомнение.

А я стояла, прижав руки ко рту, пытаюсь загнать обратно в лёгкие воздух.

Я видела не просто драку.

Я видела ту самую бурю, что жила внутри него.

Ту самую, что однажды должна была его уничтожить.

И я поняла, что спасти его будет в тысячу раз сложнее, чем думала.

Потому что его главный враг был не на дороге.

Он был внутри него.

Глава 5

Иногда, чтобы спасти кого-то, нужно прыгнуть вместе с ним в самое пекло...

* * *

– ДАНИЛ —

Адреналин, вот он, настоящий, чистый, без всяких там подделок.

Он пылал в моих жилах, как раскалённая лава, выжигая всё на своем пути.

Каждый удар моего сердца отдавался в висках победным барабанным боем.

Я стоял над этим придурком, дышал тяжело, чувствуя солёный вкус крови на губах.

Мои костяшки горели огнём, и эта боль была сладкой.

Она была доказательством того, что я сильнее.

Быстрее.

Лучше.

Превосходство.

Древнее, как мир, чувство альфа-самца, защитившего свою территорию.

Свою добычу.

Потому что в тот миг, когда я повёл её на танец, когда почувствовал, как её хрупкое тело поддается моему руководству, она стала моей.

Моей, чёрт возьми!

И только я имел право решать, что с ней делать.

Трогать её.

Держать.

А этот лысый мудак посмел толкнуть её и назвать...

Да я ему все кости переломал бы за одно это слово!

Я был на вершине.

Пьяный от власти, от восторженных криков «Шрам!», которые грели мне душу куда лучше любого спиртного.

Я был их богом, и я только что доказал им, почему.

А потом я увидел Милану.

Она стояла в стороне, прижав ладони ко рту.

Её глаза, эти огромные, синие озёра, в которых я тонул секунду назад, были полны... ужаса.

И чего-то ещё.

Осуждения?

Брезгливости?

Злость ударила в голову, резкая и слепая.

Горячее, чем адреналин.

Горькая, как яд.

После всего этого... после того, как я защитил её честь, встал за неё горой, она смотрела на меня, как на монстра?

Снова?

Я не слышал больше ни друзей, ни толпы.

В ушах стоял только белый шум ярости.

Я шагнул к ней, отрезая ей путь к отступлению.

Мои сжатые кулаки всё ещё были влажными от чужой крови.

Я навис над ней, заслонив собой весь свет, и выдохнул ей прямо в лицо, вонзая в неё каждое слово, как нож:

– Почему ты так смотришь? Не нравлюсь? Я должен был позволить оставить всё как есть? Он назвал тебя сучкой. Девкой. Или ты такая и есть, м? Скажи, милая девочка, ты – сучка?

Она медленно опустила руки, открыв бледное, испуганное лицо.

Но в её глазах не было слёз.

Была какая-то странная, неестественная для такого испуга ясность.

– Всё не так, Данил... – её голос был тихим, но не дрожал. – Я просто... Он выглядел больше тебя, сильнее... Я думала... думала, что он тебя...

Она не договорила.

Не посмела.

Но я понял.

Понял и взбесился ещё сильнее.

Она... пожалела меня?

Подумала, что этот кусок тупого мяса может быть сильнее меня?

Она усомнилась во мне?

Да, она не знала, на что я способен, но, тем не менее, это всё равно взбесило!

Пока я доказывал всем и ей в первую очередь, кто здесь главный, она боялась за меня, думая, что я хилый и меня сейчас отмочалит этот дебил?

Я провёл окровавленной рукой по волосам.

На что злился я сейчас сильнее?

На её взгляд, полный этого дурацкого страха?

Или на то, что она, такая хрупкая и не от мира сего, посчитала меня слабее?

Я был так близко, что видел, как вздрагивают её ресницы.

Чувствовал её запах, нежный, цветочный, такой чужеродный в этом мире крови, пота и падшего во всех смыслах клуба.

И этот запах сводил меня с ума.

– Он не смог бы, – прошипел я, впиваясь в неё взглядом. – Никто не может уложить меня на лопатки. Поняла? Ты сейчас со мной. А значит, под моей защитой. И если кто-то посмотрит на тебя косо, я разнесу ему лицо. Такова плата за ошибку. Будешь смотреть на меня, как на чудовище?

Я криво усмехнулся и договорил:

– Я не из тех, кого жалеют.

Честно, я ждал, что она сейчас расплчется или отпрянет.

Убежит.

Но она просто смотрела на меня.

И в её взгляде, сквозь страх, пробивалось что-то невыносимое, понимание.

Как будто она видела не просто злого и дурного, дикого парня, а ту боль, что заставляла меня быть таким.

– Мы можем уйти отсюда? Я не привыкла... к таким местам. Здесь душно. Людей много...

Её голос, тихий, но чёткий, прорезал остатки адреналинового тумана в моей голове.

Я снова удивился.

Не испуг, не истерика, не попытка убежать от меня, только что размазавшего по полу очередного идиота.

А спокойная просьба.

Как будто мы просто зашли выпить кофе, и ей не понравилась местная атмосфера.

Я пожал плечами, делая вид, что это не имеет для меня значения.

Хотя имело. Чертовски имело.

– Ок. Давай. Хочешь тихое место, да?

Она кивнула, и в её глазах читалась благодарность, что я не стал устраивать сцену.

Это бесило.

Я хотел взорваться, а она гасила меня своим спокойствием.

– Не побоишься поехать со мной? – спросил я, и в моём голосе прозвучал тот самый, низкий и опасный подтекст, который обычно заставлял девиц краснеть и млеть. – Я знаю одно место... хорошее. Тихое. Никто нас не побеспокоит. Будем только ты и я.

Только ты и я.

Код для девушек: «скоро надо будет снимать трусики».

После драки и взрыва гормонов моё тело требовало разрядки.

Дикой, жаркой, животной.

И я хотел, чтобы эта разрядка была с ней.

Своего рода она мой трофей.

Награда за её же защиту.

Я почти видел это: она отдается мне в благодарность, а я... а я практически выигрываю свой спор за одну ночь.

И от этой мысли в груди зашевелилось что-то гадкое и разочарованное.

Слишком легко.

Слишком быстро.

Неинтересно.

– Я давно ничего не боюсь, – сказала она, вздёрнув подбородок, а потом улыбнулась.

И это была не та робкая улыбочка, которую я видел раньше.

Это была искренняя, открытая улыбка, которая достигла её глаз, сделав их бездонными и сияющими.

И, черт возьми, это ей дико шло.

Что-то внутри меня ёкнуло, резко и неприятно, словно когтём по нерву.

Я нахмурился, пытаюсь подавить это дурацкое ощущение.

– Идём, – бросил я скорее себе, чем ей, схватив её за руку.

Моя хватка была грубой, почти болезненной.

Я тащил её за собой, не оглядываясь.

– Шрам, ты куда? – донёсся голос Игоря.

Я лишь махнул рукой, отмахиваясь от них, как от назойливых мух.

Король не отчитывается перед своими подданными, куда и зачем он идёт.

Забрал куртку и шлемы у бармена. Её куртку забрали в гардеробе.

И мы вышли на прохладный ночной воздух.

Достал из кофра и сунул ей в руки второй шлем.

– Тебе повезло, что у меня есть второй.

Наши пальцы соприкоснулись.

И тут же она резко дёрнулась, словно от удара тока.

Её лицо исказилось гримасой боли, она зажмурилась и начала судорожно, с хрипом хватать воздух, издавая тихий, жалобный стон.

– Что с тобой? Ты припадочная что ли? – вырвалось у меня, пропитанное раздражением и остатками злости.

Она распахнула глаза.

Они были полны паники.

– Н-нет... – прошептала она и сглотнула. – Просто... Не ездила никогда на мотоцикле.

Враньё.

Чистейшей воды враньё.

Это была не боязнь скорости.

Это было что-то другое.

Но я решил не давить.

– Ну, значит, прокачу с ветерком! Не бойся! Со мной можешь не бояться!

Милана посмотрела на меня с таким странным, пронзительным выражением, что по моей спине пробежал холодок.

Я передернул плечами, отгоняя это идиотское ощущение.

Затем я надел на неё шлем, мои пальцы скользнули по её шее, застёгивая ремешок.

Кожа была нежной и шелковистой.

Потом я надел свой.

Усадил её позади себя, вложил её руки себе на пояс, сжав их поверх своих.

– Держись крепко! – скомандовал я, заводя мотор.

Железный конь взревел, и я почувствовал, как её пальцы впились мне в живот сквозь куртку.

Она прижалась ко мне всем телом, и это было... правильно.

Так и должно было быть.

Я сорвался с места, вливаясь в ночной поток.

Ветер ревел, смывая остатки ярости.

А сзади ко мне прижималась она.

Милана.

Милая девочка.

Моя будущая победа.

* * *

– **МИЛАНА** —

Я наблюдала за дракой, и моё сердце замирало не только от жестокости зрелища.

Я видела то, чего не видел никто.

С каждым его ударом, с каждой вспышкой ярости в его глазах, та чёрная аура вокруг него сгущалась.

Она пульсировала, как гниющее сердце, становясь гуще, тяжелее, ядовитее.

Она не просто предсказывала смерть.

Она кричала о ней.

О мучительной, медленной, одинокой кончине, пропитанной болью и тоской.

Раньше я видела тень, пелену.

На нём же была настоящая рана, зияющая и смердящая.

Моя интуиция, мой проклятый дар, либо усиливался, либо... либо он и вправду был настолько разбит изнутри, что его смерть будет соответствовать его жизни – яркой, яростной и невероятно болезненной.

И ещё я поняла, что вижу его ауру в моменты его дикой ярости или бравადы.

Этот парень, Данил, был ходячей трагедией, обёрнутой в кожу и татуировки.

И его образ жизни, его жажда доказывать что-то кулаками и скоростью, вели его прямо-ком в объятия того конца, что я видела.

Единственный способ изменить будущее – изменить его самого.

Но как достучаться до того, кто, кажется, сам жаждет своего разрушения?

Потом, на улице, когда его пальцы коснулись моих, чтобы передать шлем, видение уда-рило с новой силой.

Короткое, как вспышка, но ослепляющее.

Не картинка, а чистое ощущение, ледяная игла боли, пронзившая меня с макушки до пяток, на миг парализовавшая дыхание.

Я едва не закричала.

Это было напоминание.

Он заметил.

Конечно, заметил.

Его насмешливый взгляд и вопрос, что я припадочная, разозлили меня.
Знал бы он... поверил бы... Не смеялся бы тогда.
Пока мы ехали, я всё решила.
Как только мы окажемся в том самом «тихом месте», я всё ему расскажу.
Сяду, посмотрю в эти серые глаза и выложу всю правду.
О своих видениях.
О его смерти.
Да, сначала он пошлёт меня.
Возможно, рассмеется и назовёт психопаткой.
Но я должна попытаться.
Я должна найти слова, которые пробьют его броню.
А пока... пока я сидела позади него, вцепившись в его куртку, и мир превратился в мелькание огней и рёв мотора.
Я прижималась к его спине, чувствуя под курткой игру мышц, каждое его движение.
Он был таким живым.
Таким настоящим.
Горячим, сильным, полным дикой, неукротимой жажды жизни.
Ветер, скорость и свобода.
И в эти секунды, зажатые между страхом и восторгом, настоящее сплеталось с будущим.
Я чувствовала мощь мотоцикла под нами и одновременно – его хрупкость перед ударом.
Я чувствовала тепло его тела и одновременно – леденящий холод той аварии.
Я мчалась с ним навстречу ночи и одновременно навстречу его гибели.
Слёзы текли по моим щекам, немые свидетели этой странной, невозможной связи.
Я боялась за него.
Боялась того, что мне придётся сказать.
Но сильнее всего боялась того, что где-то в глубине души, мне уже было не всё равно.
* * *
Я ожидала чего угодно, гаража, заброшенного склада, хостела сомнительной репутации, какой-нибудь смотровой площадки.
Но точно не этого.
Данил свернул в элитный квартал, где за каждым окном горел не просто свет... Здесь были деньги, много денег.
Он сбавил скорость, подъехал у шлагбаума возле монолитного здания, и тот послушно поднялся.
Он въехал на подземную парковку и припарковал свой мотоцикл рядом с крутыми тачками.
Звук мотора заглох, оставив после себя гулкую, стерильную тишину.
Я слезла, чувствуя себя нелепо в своём вызывающем наряде на фоне этой холодной роскоши.
Он снял с меня шлем, его пальцы снова на миг коснулись моей шеи.
К счастью, видений не возникло.
Его взгляд был непроницаем.
– Где мы? – спросила, оглядываясь.
Он усмехнулся, уголок его губ приподнялся в наглой, самоуверенной ухмылке, которая, кажется, была его второй кожей.
– Скоро узнаешь. Идём.
Я нахмурилась, но пошла за ним.
Он же не сделает мне ничего плохого, верно?

У него была возможность в клубе, он мог увезти меня в тёмный квартал, куда угодно, где нет людей и камер.

Но он привёз меня сюда.

В своё логово?

Значит, у него другие планы.

Или... или он просто хотел произвести впечатление?

Золотой мальчик, демонстрирующий свои владения?

У меня есть цель, напомнила я себе, сжимая руки в кулаки.

Надо рассказать ему всё.

Мы вошли в лифт с зеркальными стенами.

Я увидела наше отражение. Данил Белов, высокий, мрачный, в потёртой куртке, с наливающимся синяком на скуле и рассечённой бровью.

И я, казавшаяся жалкой пародией на ту девушку, которая должна была бы здесь жить.

Он нажал кнопку последнего этажа. Пентхаус.

Понятно.

– Это либо твоё жильё, либо твоего друга... – проговорила я, пытаюсь поймать его взгляд.

Он дёрнул плечом, будто отмахиваясь от назойливой мухи.

– Почему ты на меня ТАК смотришь?

Я удивилась его вопросу.

– «Так» – это как?

Он шумно вздохнул, и в его глазах вспыхнуло настоящее раздражение.

– Твои глаза, Милана... Чёрт... Ты, как будто ты хочешь залезть ко мне в голову и прочитать всё, что я там прячу. Или... – он сделал паузу, его взгляд стал колючим, – ...или ты уже всё знаешь? Мои самые грязные секреты, а?

Я растерялась и рассмеялась, коротко и нервно.

– Ничего из перечисленного я не делаю. Я просто хотела понять... ответишь ты правду, или соврёшь.

– Насчёт чего? – бросил он, глядя в пол.

– Насчёт квартиры, куда мы поднимаемся.

– А с чего ты решила, что мы поднимаемся в квартиру? Может, я тебя на крышу привёз?

Я сложила руки на груди, прислонилась к холодной стене лифта, ощущая, как ускоряется мой пульс.

– Ну да. А пустили тебя на закрытую парковку под шлагбаум просто так... И мотоцикл ты припарковал на первое попавшееся место, угу.

– Какая ты... наблюдательная, – процедил он, и в его голосе прозвучала не похвала, а опасение.

– Тут и дураком не надо быть, чтобы понять, что к чему. Так что?

– Ну, вот сейчас и узнаешь. Мы на месте, – хмыкнул он, и его взгляд снова задержался на мне, странный, оценивающий, полный какого-то неразрешённого вопроса.

Дзинь.

Лифт плавно остановился. Двери разъехались, открывая приватный холл.

На всём этаже была одна-единственная дверь.

Он достал ключи из кармана куртки и открыл её. И передо мной открылся мир, который кричал о деньгах, но был наполнен... пустотой.

Огромная прихожая, плавно перетекающая в огромную гостиную с панорамными окнами на ночной город.

Дорогой минималистичный дизайн, все оттенки серого и чёрного. Немного белого.

Чисто, стерильно, бездушно.

Как декорация из глянцевого журнала.

Понятно.

Избалованный парень из «золотой молодёжи».

Тот, кому все свалилось в руки: деньги, статус, эта башня из стекла и бетона.

Такие детки пресытились жизнью, не успев её даже начать.

Им не нужно ничего добиваться.

Они щёлкают пальцами и всё получают.

Но в их глазах нет огня. В их домах нет души.

И я вдруг с ужасом подумала, что самая страшная смерть, она не та, что приходит от удара об асфальт.

А та, что подкрадывается медленно, когда ты смотришь на весь этот блеск и не чувствуешь ровным счётом ничего.

Может, его аура была такой чёрной не только из-за будущей аварии?

А из-за этого?

Из-за ледяной, красивой пустоты, в которой он задыхался?

Потому он ищет острых ощущений?

Глава 6

Голая правда ходит по свету нагой, и люди бросают в неё камень смеха, чтобы не оскверниться её чистотой.

* * *

– **МИЛАНА** —

Здесь всё кричало о деньгах и безупречном вкусе, но молчало о жизни.

Я подошла к панорамному окну.

Вид заставил сердце сжаться, но не от восторга, а от странной, щемящей тоски.

Весь город лежал в огнях внизу, такой далёкий и живой.

А здесь, наверху, была эта ледяная, красивая пустота.

– Иди за мной, детка, – его голос, низкий и нарочито сладкий, прозвучал за моей спиной.

Я скривила губы, не оборачиваясь.

– Не называй меня так. Я тебе не детка.

Он рассмеялся, и смех его был таким же холодным и звонким, как это стекло.

– Тогда... малышка.

– Ещё хуже, – проворчала я, чувствуя, как по спине пробегают мурашки от его приближения.

– Крошка?

– Нет.

– Кис-киска?

Я резко выдохнула:

– Боже, какая пошлость!

В отражении окна я видела, как он подходит ближе, бесшумно, как хищник.

Я развернулась к нему лицом, но он не остановился.

Я сделала шаг назад, он приблизился.

Ещё два шага – и моя спина уперлась в холодную, непробиваемую поверхность стекла.

Он запер меня.

Не телом, а своим присутствием, которое заполнило всё пространство между нами.

Он поставил руки по бокам от моей головы, склонился так близко, что его губы почти касались моих.

От него пахло ночью, скоростью и чем-то запретно-мужским.

Его горячее дыхание обожгло мою кожу.

– Тебе идет «детка», Милана, – прошептал он вкрадчиво, и в его голосе была опасная нежность, от которой ноги подкашиваются. – И ты не заставишь меня не называть тебя так. И хватит этого взгляда... Не смотри на меня так, будто я чудовище.

– Я не смотрю... так... – вырвалось у меня, голос прозвучал тонко и жалко, почти как блеяние овцы.

– О, нет, смотришь, – ответил он, и в его глазах вспыхнула злая искорка. – И меня это бесит.

Я не могла дышать.

Он был слишком близко.

И где-то в глубине, под страхом, шевелилось что-то тёплое и предательское – желание.

Желание, чтобы он поцеловал меня.

Чтобы стёр эту дистанцию.

Чтобы доказал, что он не чудовище, каким себяставляет.

Я собрала остатки воли.

– Ты куда-то звал меня... – попыталась сменить тему, отвести разговор от этого невыносимого напряжения.

Он замер на секунду, изучая моё лицо.

Потом резко убрал руки от стекла и отступил, будто оттолкнувшись от невидимой стены.

Я шумно выдохнула, воздух, наконец, хлынул в лёгкие.

Сердце колотилось, словно пыталось вырваться из груди.

– Да, иди за мной, – бросил он через плечо.

Но когда я не двинулась с места, он обернулся и поманил меня пальцем.

– Куда? – напряглась я, не двигаясь с места.

На его лице снова появилась загадочная, хитрая ухмылка.

– Я же сказал, что привёз тебя на крышу.

Я удивленно вскинула брови.

– У тебя свой выход на крышу? В самом деле?

И я пошла за ним.

Мы прошли на второй этаж.

Я оказалась в длинном коридоре с балконом и видом на гостиную, тут было две двери.

Одна была открыта и вела в спальню.

Другую дверь Данил открыл.

Самый настоящий выход на крышу.

Широкое пространство под низким, ночным небом, было пронизано ледяными иглами осеннего дождя.

Я вышла босиком, и холодный бетон тут же впился в ступни ледяными клыками.

Колючий ветер рванул в мою тонкую одежду, заставив содрогнуться всем телом.

Я обняла себя, пытаясь сохранить остатки тепла.

– Ой, я, наверное, вернусь за сапогами и курткой...

Но Данил не стал меня слушать.

Внезапно он подхватил меня на руки.

Сильные, уверенные руки подняли меня как пушинку.

Я замерла, не в силах протестовать, ослеплённая неожиданностью и этой грубой заботой.

Он отнёс меня под широкий стеклянный навес, где стояли мягкие диваны и кресла, как оазис посреди бетонной пустыни.

Усадил меня на диван, бросил «сиди», подошёл к массивному металлическому сундуку и вытащил оттуда охапку толстых, шерстяных пледов.

– Оберни ноги и сама завернись в плед, – скомандовал он, и в его голосе не было прежней слащавости.

Я послушно сделала, как он сказал.

Шерсть пледа была грубой, но невероятно тёплой.

Я укуталась, создавая вокруг себя маленькую крепость.

Он включил гирлянду и сел в кресло напротив, он был в куртке и носках.

Его босые ноги, будто не дрожали от холода.

– Чего-нибудь выпить хочешь? – спросил он, глядя куда-то в сторону завесы дождя.

– Нет... я хочу поговорить...

Он рассмеялся, коротко и беззвучно, закинув голову на подголовник.

– А я не хочу говорить, детка. Я хочу... кое-чего другого.

Я сжала пальцы под пледом.

– Кое-что другое может подождать, а мой разговор – нет.

Мой голос не дрогнул.

Зазвучал с такой уверенностью, что я сама себе удивилась.

Данил медленно повернул голову.

Его взгляд стал тяжёлым, пронизывающим, будто рентгеновским лучом.
Я не отвела глаз.
Выдержала.
Не моргнула.
Он вдруг поднялся и в два шага оказался рядом, опустился на диван.
Его рука легла мне на плечи, властно и тепло.
Он притянул меня к себе, заглядывая в лицо.
Его глаза были так близко, что я видела искорки в их серой глубине.
– Валяй... – выдохнул он, и его дыхание смешалось с моим. – Но после разговора ты позволишь мне сделать... кое-что...
В его взгляде читалось ожидание развлечения.
Горечь подкатила к горлу.
После моего «разговора» он, скорее всего, выкинет меня отсюда, назвав психопаткой.
Но выбора нет.
– Идёт, – согласилась я, глотая эту горечь.
Он удивленно приподнял бровь, но кивнул.
– Тогда... я слушаю. Что у тебя случилось? – спросил он с наигранным, скучающим участием.
Ему было плевать.
Он ждал спектакля, который последует после.
Я собрала весь воздух в лёгких, всю свою храбрость, всю надежду на чудо.
Сердце колотилось так, будто хотело вырваться и убежать.
– То, что я сейчас скажу, покажется тебе... ненормальным. Возможно, ты посчитаешь меня сумасшедшей...
Он усмехнулся, уголок его рта дёрнулся.
– Ты меня заинтриговала.
Я закрыла глаза на секунду.
Открыла.
И выпалила на одном дыхании, пока трусость не взяла верх:
– Ты... Данил, если ты продолжишь ездить на мотоцикле... и если продолжишь вести такой же безумный образ жизни, как ведёшь, сейчас, то... ты скоро умрешь. Я это вижу. Я вижу смерти людей. И твоя, она самая страшная.
– Она рядом... – добавила я совсем тихо.
Тишина после моих слов была оглушительной.
Даже шум дождя, будто стих.
Данил не двинулся.
Не отпрянул.
Его рука всё так же лежала на моём плече, но стала каменной, невозможно тяжёлой.
Его лицо застыло в непроницаемой маске.
Только глаза... в них что-то появилось.
О, нет, не страх.
Что-то тёмное и опасное. Как буря перед ударом.
Тишина длилась всего пару секунд, а потом он засмеялся.
Нет, раздался не насмешливый, циничный смех. Это был хриплый, резкий, раздражающий тишину хохот, который вырывался из его горла, словно против его воли.
Он смеялся так, будто я только что произнесла самую кощунственную, самую абсурдную шутку на свете.
Но в этом смехе не было веселья. Была горечь, злость. Была та самая чёрная, отчаянная ярость, которую я видела в его ауре.

Этот смех заставил всё внутри меня сжаться, застыла кровь в жилах.

Этот смех был страшнее любого отчаянного крика.

– Данила... – попыталась я вставить слово, мой голос был тихим, потерянным в этом леденящем душу хохоте.

И тут он резко оборвался.

Как будто кто-то выключил звук.

Его лицо стало каменным.

А потом его рука, что лежала на моём плече, переместилась к моей шее.

Его ладонь обхватила её, пальцы впились в кожу у основания черепа.

Не больно. Он не душил. Но сжимал ощутимо, властно, лишая возможности отодвинуться.

И наклонился так близко, что я увидела, как в его глазах полыхает настоящий ад.

– Милана, какого, блять, хера?! – прошипел он, и каждое слово было как плевок. – Тебя отец подослал?!

Удар был настолько неожиданным, что я онемела.

– Что? Нет! Меня никто не подсылал! Я...

– Ты что, хочешь сказать, что ты, сука, ясновидящая? – он говорил с ледяным сарказмом.
– Ангелочек с небес, чтобы спасти грешника Данилу Белова?

– Я не знала, кто ты такой! – вырвалось у меня, и голос, наконец дрогнул от обиды и страха. – Я увидела тебя сегодня утром! Возле универа, когда ты показывал эти безумные трюки на своём мотоцикле!

Он замер, его пальцы на моей шее чуть ослабли.

– И я увидела... – я зажмурилась, снова переживая тот ужас. – Я увидела, как ты разобьёшься. Не просто упадёшь с байка. Я почувствовала, как ломаются твои рёбра. Как твои лёгкие наполняются кровью. Как ты задыхаешься. Я слышала звук удара. Я... я всё это почувствовала, Данил. Это не просто картинки. Это... это очень страшно. И больно.

Я открыла глаза.

Он смотрел на меня, и в его взгляде уже не было той яростной насмешки.

Было что-то другое.

Непонимание.

Глубокое, изматывающее непонимание.

Его большой палец медленно, почти неосознанно, провёл по коже на моей шее, и это движение было странно нежным на фоне всего, что происходило.

Потом он резко убрал руку, словно обжёгшись.

Вскочил с дивана, отвернулся ко мне спиной.

Его плечи были напряжены до предела.

– Это всё? Весь твой разговор? – его голос прозвучал глухо, без эмоций.

Я съёжилась под пледом, чувствуя себя полной идиоткой.

– Д-да...

– Отлично, – бросил он через плечо и обернулся.

Его лицо снова стало непроницаемым, но глаза горели каким-то новым, решительным огнём.

– А теперь пошли... Хотя, ты же босиком.

Прежде чем я успела что-то понять и сказать, он наклонился, подхватил меня вместе с пледами на руки.

Я негромко вскрикнула от неожиданности.

– Ч-что... что ты задумал? – пролепетала я, цепляясь за его плечи.

Он не ответил.

Он просто понёс меня обратно в квартиру.

Его шаги были быстрыми и решительными.

Он не смотрел на меня.

Смотрел вперёд, будто принял какое-то важное решение.

И я, испуганная и совершенно сбита с толку, могла только довериться ему.

* * *

Он ворвался в квартиру, как ураган, несущий на себе следы бури.

Плечом распахнул дверь, даже не замедляя шага.

Я вцепилась в его шею, пытаюсь удержать связь с реальностью.

И смотрела на его лицо.

Его губы были сжаты в тонкую белую полоску.

Желваки на скулах ходили ходуном, выдавая чудовищное внутреннее напряжение.

А глаза... глаза потемнели до цвета грозовой тучи, и в них бушевала та самая чёрная, яростная буря, что я видела в его ауре.

И вот он внёс меня в спальню.

Такую же минималистичную и холодную, как вся квартира.

И прежде чем я успела что-то сказать, он сбросил меня с рук.

Бросил на огромную кровать, будто я мешок.

Я отскочила на упругом матрасе, запутавшись в шерстяных пледах.

А он уже срывал с себя одежду.

Его движения были резкими, рваными, лишёнными всякой элегантности.

Он не раздевался.

Он сдирал с себя что-то, что мешало и давило.

Он был похож на загнанного волка, который вот-вот пойдёт в атаку от отчаяния, а не от голода.

– Дан-нил... – вырвалось у меня, я заикалась от адреналина, выбираясь из пледов. – Что ты задумал?

– Был уговор. Разговор, а потом я кое-что сделаю, – ответил он, и его голос прозвучал психованно.

Он стянул с себя футболку через голову одним резким движением.

И я... замерла.

Его тело, оно было не просто красивым.

Оно было шедевром дикой природы.

Не тело культуриста, выточенное часами в спортивном зале.

Это была естественная, живая сила.

Широкие плечи, узкие бёдра, каждый мускул рельефно проступал под кожей.

Это тело было создано в уличных драках, выковано на скорости мотоцикла, закалено в огне...

На его руках были татуировки, покрывающие его руки от ключиц до запястий, а под ними шрамы.

Неровные, стянутые, местами розоватые.

Ожоги.

Они были и на груди, мелькая между тату, и, я была уверена, на спине.

Это были отметины трагедии.

И они делали его не уродливым, а... трагически реальным.

Он взялся за ремень.

– И что ты сделаешь? – прошептала я.

– Я тебя трахну, – выпалил он, глядя на меня сверху вниз, и в его глазах не было желания.

Был вызов.

Была попытка осквернить, унижить.

Была та самая злость, что кипела внутри.

И тут я очнулась.

Не от страха, от ясности.

Резко, как от щелчка по лбу.

Я отбросила пледы, скатилась с кровати и оказалась на противоположной стороне, создавая барьер из кровати между нами.

– Что?.. Нет! – Сказала я. Твёрдо. Громко. – Нет.

Он замер, его рука застыла на пряжке ремня.

Его взгляд стал еще опаснее.

– Почему? Думаешь, я привёз тебя к себе болтать о всякой чуши? Или ты думала, я из тех дебилов, что будут ухаживать за девушкой, заваливая её романтическим дерьмом?

Он сделал шаг вдоль кровати.

Я отступила, сохраняя дистанцию.

– Детка, ты сама согласилась поехать со мной. Согласилась сделать мне... кое-что после твоего «разговора». Думаешь, я позволю тебе просто так уйти? О, не-е-ет. Я возьму тебя, Милана, хочешь ты того, или нет. Мне плевать!

И он снова рассмеялся.

Но это был фальшивый, натянутый звук.

Он пытался играть роль монстра.

Роль того, кто берёт силой, потому что не верит, что можно получить по-другому.

И я поняла.

Это была защитная реакция.

Ядро его ярости.

Я раскрыла его слабое место, ткнула пальцем в самую страшную тайну... Которую я не знала, но нащупала и задела её...

И его единственным ответом было запугать меня в ответ.

Оттолкнуть.

Заставить отступить и убежать, доказав, что он чудовище, которое не стоит жалости или спасения.

Я перестала отступать.

Выпрямилась и посмотрела ему прямо в глаза, туда, где под маской злобы бушевала раненое, испуганное животное.

– Ты не сделаешь этого, – сказала я тихо, но он всё прекрасно услышал.

Глава 7

Когда весь мир считает тебя чудовищем, ты начинаешь играть эту роль лучше любого актёра. Просто чтобы они не узнали, как тебе на самом деле больно...

* * *

– ДАНИЛ –

«Данил, если ты продолжишь ездить на мотоцикле... и если продолжишь вести такой же безумный образ жизни, как ведёшь, сейчас, то... ты скоро умрешь. Я это вижу. Я вижу смерти людей. И твоя, она самая страшная... Она рядом...»

Её слова вонзились в меня, как отравленные иглы.

Нет, не испугали. Они выбили почву из-под ног. Ту самую хлипкую, пропитанную вином и пылью почву, на которой я стоял все эти годы.

«Ты скоро умрёшь».

Как будто она подслушала тихий, навязчивый шёпот в моей голове, который я сам заглушал рёвом мотора и звоном разбитых бутылок.

Как будто она видела ту самую трещину, что шла через всю мою жизнь, прямо с того пожара.

Мачеха кричала тогда, с искажённым от ненависти и горя лицом:

– Лучше бы ты умёр вместо неё! Миру не нужны такие, как ты! Ты монстр! Бездушный урод! Ошибка! Ты не должен был родиться!

И я стал им.

Стал тем самым монстром.

Я не ценил жизнь, ни свою, ни чужую.

Не создавал ничего прекрасного.

Только рушил.

И вот она, эта девчонка с невозможными глазами, одним своим взглядом и одной фразой поставила меня на колени.

Не физически. Гораздо хуже. Изнутри.

Она как отравы пробралась мне под кожу.

Её слова о мотоцикле, об образе жизни... они звучали, как приговор.

И он разозлил меня до чёртиков, порвал какие-то последние, сгнившие струны в моей душе.

Да кто она вообще такая?!

Мы встретились сегодня, блять, сегодня! И она уже смеет указывать мне, как жить?

Какая-то грёбанная гадалка с университетского курса по искусству?!

Что она знает о боли? О потере? О том, как каждый день просыпаться с мыслью, что ты – ошибка?

Даже если в её бредовой истории есть капля правды... Какое ей дело?

Это, блядь, моя жизнь!

Сломанная, больная, уродливая.

Это мой выбор – сгореть в огне или разбиться об асфальт!

Я, возможно, заслуживаю именно такого конца.

Я самый настоящий монстр.

Монстры не заслуживают спасения.

Они заслуживают того, чтобы их боялись.

Но её слова... и этот взгляд. В её глазах я увидел не страх перед чудовищем.

Я увидел... жалость.

Жалость!

Это было хуже любого оскорбления.
Хуже любого удара.
Это унижало. Это ставило меня ниже, слабее.
Жалость для слабаков, для несчастных, для тех, кого нужно спасать.
Я не несчастный.
Ярость – моё второе имя. Я – разрушительный.
И это всё, что осталось после пожара.
И я возненавидел Милану за этот взгляд.
На миг, чистой, белой ненавистью.
Она резанула меня правдой, а потом посмотрела, как на раненую собаку.
Нет, детка, так не играют.
За такую хрень нужно платить.
Я затащил её в спальню.
Пока нёс на руках, предательски вдыхал её запах.
Это был её персональный запах.
Она пахла... чёртовой, сука, булочкой с сахарной пудрой.
Глупо, инфантильно, до тошноты невинно.
Невозможно сладко.
Я сто лет не ел булочек.
Не позволял себе такой слабости, как сладкие булки.
А сейчас... сейчас я решусь на другую слабость.
Самую опасную.
Я использую её.
И докажу и ей, и себе, что жалости здесь не место.
Что с такими, как я, моральными уродами, нельзя вести себя, как с нормальными людьми.
Чревато. Больно. Унизительно.
Когда я бросил её на кровать и начал срывать с себя одежду, я не видел перед собой Милану.
Я видел своё отражение в её испуганных глазах – то самое чудовище, которым меня называли.
И я великолепно играл эту роль.
Играл отчаянно, яростно, с надрывом.
Каждый резкий жест, каждое грубое слово – это был мой щит.
Моё – «отойди от меня, я опасен».
Моё – «не смей жалеть меня!»
– Я тебя трахну, – бросил коротко и резко, чтобы поняла, что я не шучу.
Это будет не секс.
Это будет казнь.
Казнь за её наглость, за её проникновение в мою голову, за то, что она заставила меня на секунду усомниться в своём праве на самоуничтожение.
А потом она сказала «нет».
Не закричала.
Не заплакала.
И встала с кровати.
Потом посмотрела на меня так, будто видела не разъярённого зверя, а того пацана, который до сих пор горит в том пожаре, и произнесла тихо, но её шёпот прозвучал как выстрел:
– Ты не сделаешь этого.
И все мои приготовления, вся моя ярость, весь этот театр жестокости, рухнули в одно мгновение.

Потому что она не испугалась монстра. И от этого стало ещё страшнее.

* * *

– Глупая. Какая же ты глупая, – выдавил я, заставляя себя рассмеяться.

Звук вышел грубым, искусственным, как скрежет металла.

Я ждал, что она отпрянет.

Заплачет.

Побежит.

А она взяла и подошла ко мне.

И сделала ещё шаг.

Слишком близко от меня.

Ещё один.

Оказалась так близко, что я снова учуял этот дурацкий, сладкий запах.

Она подняла руки, и я увидел, как её пальцы тянутся к моей груди, к шрамам, которые я никогда никому не показывал добровольно.

Инстинктивно, я перехватил её запястья.

Сжал так, что, наверное, было больно.

Моё лицо было в сантиметрах от её.

– Какого хрена ты делаешь? – прошипел я, и в голосе зазвучала настоящая, животная растерянность.

– Обнять тебя хотела... – прошептала она.

И улыбнулась. Робко. Искренне.

Как будто я не только что орал на неё и пытался её запугать.

Как будто я был... достоин объятий.

Я оттолкнул её запястья, будто они были раскалёнными.

Уставился на неё, как на ненормальную.

Коснулся виска, чувствуя, как под ним пульсирует бешеный ритм.

– Зачем, Милана? Зачем ты пришла в клуб? Зачем согласилась пойти со мной и поехать? Зачем. Тебе. Это нужно? – я выбивал слова, как гвозди.

Мне нужно было понять.

Найти в её поведении логику, расчёт, хоть что-то, что уложилось бы в мой извращённый мир.

Ведь ясно как день, она не девка.

Милана вздохнула, и в её глазах не было ни страха, ни лукавства.

Только самая невыносимая ясность её глаз.

– А зачем мы вообще что-то делаем в этой жизни? Нужна какая-то конкретная причина? Но её нет, Данил... Точнее, не так...

Она закусила губу, подумала и продолжила:

– Просто в тебе так много энергии и жажды жизни, что нельзя отдавать тебя костлявой. Понимаешь?

Я рассмеялся.

Коротко и резко.

Она точно спятившая.

Да и я далеко не ушёл.

Мы были двумя психами в моей квартире, и наш диалог не имел никакого смысла.

– Нет, я не понимаю.

Я посмотрел на неё, и снова увидел это.

Этот взгляд.

Он прожигал меня насквозь.

Сжал кулаки, чувствуя, как по ним бежит знакомая дрожь бессильной ярости.

– Да какого хера ты снова смотришь на меня с этой грёбаной жалостью! Не смей меня жалеть, поняла! Я тебе не щенок, которого ты подобрала на помойке!

Внутри меня всё клокотало.

Адреналин от драки не нашёл выхода, смешался с гневом, обидой и этим дурацким, щемлящим чувством, что она видит меня насквозь.

Я начал метаться по комнате, как зверь в клетке.

Мне нужно было что-то сломать.

Стены.

Себя.

Но не её.

Эта мысль пронзила меня с неожиданной силой.

Её трогать в гневе... о, нет.

Она была хрупкой, как тот фарфор, что так обожала мачеха.

И она так же нелепо смотрелась в моём аду.

– Жалость? – переспросила Милана, и её голос был спокоен, как поверхность безмятежного озера. – Данила, я тебя совсем не жалею. Уж кто-кто, но ты в жалости точно не нуждаешься, ты большой мальчик, а вот...

– Что «вот»? – я взглянул на неё яростно, чувствуя, как натягивается каждая струна во мне.

– Тот ребёнок в тебе... мне его жаль. Он до отчаяния нуждается в том, чтобы его обняли, утешили и... пожалели. Мне очень жаль его... Потому что я хорошо понимаю, как ему больно.

Тихо.

Как же тихо она это сказала.

И эти слова сделали то, чего не смогли сделать кулаки того лысого ублюдка.

Они сбили меня с ног.

– Твою мать... Милана, ты решила пропесочить мне мозги? Ты вроде на факультете искусства учишься, а не на психологии! – зарычал я в последней попытке защититься насмешкой.

– Кто его обидел? Отец? Мать? Всё идёт из детства. Меня вот тоже отгородили от любви и нежности. Мама, отец и старшая сестра решили сделать вид, что я... ну, просто предмет мебели. Приложение, которое идёт по умолчанию. Которое хочется удалить, а не выходит. Но со мной всё понятно... А вот тебя... тебя не просто обидели. Тебя... сломали...

Я не выдержал.

Резко отвернулся, уткнулся лбом в холодную стену, зажмурился.

Она говорила о боли, которую я годами запираю в самом дальнем, самом тёмном чулане своей души.

Она, как та самая ядовитая змея, проскользнула туда, куда не должен был проникать никто.

– Милана... уйди. Вызови такси и уходи. Я оплачу... – мой голос прозвучал хрипло, устало.

Я просил.

Впервые я не приказывал, а просил.

– Нет. Не уйду. Сначала твои раны обработаю.

Она снова сказала «нет».

Как она смеет?

Я обернулся, и из моей груди вырвался рык, полный бессилия:

– Иди отсюда нахер! Прямо сейчас!

Она лишь посмотрела на моё лицо, на синяки и рассечение.

– Если не обработать твоё лицо, то может случиться заражение крови. Потом будет сепсис, и ты умрёшь... – сказала она с убийственной, какой-то тупой детской логикой.

Я издал короткий, нервный смешок, граничащий с истерикой.

– Ты же сказала, я на байке разобьюсь.

Она пожала плечами

– Смерть может изменить свой сценарий. Где у тебя аптечка? В ванной или на кухне?

И она, блять, просто развернулась и направилась в ванную.

Уверенно так.

Как будто она здесь живет.

Как будто имеет на это право.

Я стоял посреди спальни, раздетый по пояс, в засохшей крови на морде и синяках, и чувствовал себя полным идиотом.

Эта хрупкая девчонка только что пережила мою попытку запугивания, выслушала мои вопли, и теперь спокойно собиралась обработать мне раны.

Она была либо святая, либо законченная кретинка.

А я, похоже, был готов позволить ей это сделать.

Потому что впервые за много лет кто-то не убегал от меня.

А оставался.

Даже когда я безумно орал «уходи».

Глава 8

Понимать чужую боль – это не слабость. Это оружие. Иногда – единственное, что может пробить броню...

* * *

– **МИЛАНА** —

– Где у тебя аптечка? В ванной или на кухне?

Слова вылетели из меня сами, подкреплённые внезапной, ослепительной ясностью.

Пока он кричал, метался, пытался выставить себя монстром, я увидела его настоящего сквозь этот театр.

Увидела не злого парня, а того самого мальчика, которого когда-то сломали.

Меня ведь тоже сломали.

Не криком, а ледяным молчанием.

Не кулаками, а взглядами, полными страха и отвращения.

Меня запирали, пытаясь «вылечить» от моего дара, и я знала, как это – чувствовать себя ошибкой, нежеланным приложением к чужой жизни.

Но его боль... она была громче.

Гораздо громче.

Она кричала из каждого жеста, из каждой сжатой мышцы на его теле, из каждой вспышки ярости в глазах.

Его не просто обидели.

Его сожгли дотла и оставили догорать в одиночестве.

И теперь он сам подбрасывал в этот огонь всё, что мог найти – драки, скорость, риск, цинизм...

Лишь бы не чувствовать ледящего холода пустоты, что осталась после.

И я поняла.

Он боялся, что кто-то увидит под маской ту самую выжженную пустошь и решит, что её стоит жалеть.

Жалость его унижала.

Она ставила его в позицию жертвы.

А он выбрал быть тираном.

Это была его защита.

Но я не испытывала к нему жалости.

Я испытывала... узнавание.

И дикое, отчаянное желание протянуть руку через ту пропасть одиночества, что разделяла нас.

Хотелось сказать: «Я вижу тебя, Дан. И я не убегу».

Поэтому, когда он рявкнул «уходи», я сказала «нет».

И пошла искать аптечку.

Это был простой, понятный, земной шаг.

Просто забота.

То, чего, я была уверена, ему не давал никто.

Ванная комната была выдержана в том же ледяном стиле.

Чёрная плитка, хромированные смесители, огромное зеркало.

Но на идеальной поверхности умывальника валялось лезвие для бритья с засохшей пеной и пустой флакон дорогого лосьона после бритья.

На полу – скомканное полотенце.

Бардак был не грязным, а... усталым.

Как будто у того, кто здесь жил, не было сил поддерживать и этот фасад безупречности.
Я открыла шкафчик над раковиной.

Там были мужские принадлежности для умывания, бритья, паста, щётка...

Так, не то.

Потом я открыла комод из чёрного камня.

И там, среди свежих полотенец, нашла белую пластиковую коробку с красным крестом.

Я вернулась в спальню.

Данил стоял на том же месте, голый по пояс, со сжатыми кулаками, и смотрел на меня с таким выражением, словно я только что вывернула вселенную наизнанку.

В его глазах читался полный когнитивный диссонанс.

Его сценарий рухнул.

Я не убежала в слезах.

Я не поддалась на угрозы.

Я принесла аптечку.

И с невозмутимостью, которой сама себе позавидовала, села на край огромной кровати, поставила коробку рядом и посмотрела на него.

Внутри всё ещё колотилось сердце, но это был уже не страх.

Это была решимость.

– Иди сюда, полечу тебя, – сказала мягко и поманила его пальцем. – Не бойся, я не кусаюсь...

Я сказала это почти шутливо, пытаюсь снять напряжение.

Его лицо дрогнуло.

Он не двинулся с места, но его взгляд, тяжёлый и недоверчивый, скользнул с моего лица на аптечку и обратно.

Он был похож на дикого волка, которого подманивают едой, а он боится капкана.

Но я знала, что капкан для него – это одиночество.

А то, что я предлагала, было... чем-то другим.

Риском другого рода.

И мне нужно было, чтобы он его принял.

Хотя бы сейчас.

Хотя бы для того, чтобы обработать ссадины.

Чтобы доказать ему и себе, что он не безнадёжен.

Что его можно касаться не с целью причинить боль, а чтобы исцелить.

Или хотя бы попытаться.

– Ну? – прошептала я, стараясь, чтобы улыбка выглядела спокойной и ободряющей, а не нервной гримасой.

И тут же открыла аптечку.

Белый пластик хрустнул, обнажив аккуратные ряды лекарств, бинтов, ватных дисков.

Я достала всё необходимое – вату, хлоргексидин, заживляющую мазь с серебром, пластыри.

Простые, бытовые вещи, которые вдруг стали оружием в нашей странной войне.

Войне между его желанием разрушить себя и моим желанием его спасти.

Данил сделал один тяжёлый, нерешительный шаг.

Он всё ещё стоял как натянутая струна, готовый либо наорать, либо сорваться с места, чтобы сбежать.

– Ты понимаешь, насколько это абсурдно и тупо? – его голос прозвучал глухо, но в нём уже не было прежней злости.

Было отчаяние от того, что его попытка меня спугнуть провалилась.

Я склонила голову набок, рассматривая его.

У него красивое и сильное, но израненное тело.

И за всем этим скрывался потерянный мальчик, который не знает, что делать с нежностью, потому что слишком долго знал только боль.

– Помощь – это разве тупо и абсурдно? – мягко спросила его.

Он взъерошил волосы, нервным жестом провёл рукой по лицу, огляделся.

Словно искал поддержки у пустых стен, у молчаливой мебели.

Но в этой стильной коробке его квартиры не было никого, кто мог бы подтвердить его право быть несчастным и одиноким.

Только я.

Потом он предпринял последнюю, жалкую попытку сбежать.

Не физически, а эмоционально.

– Милана, я не нуждаюсь в помощи. И не надо мне ничего обрабатывать. Само всё заживёт...

В его голосе прозвучала привычная бравада, но она была такой хрупкой, что рассыпалась в воздухе, не долетев до меня.

Он повторял заученную мантру.

Ту самую, что, вероятно, твердил себе все эти годы: «Мне никто не нужен. Я справлюсь сам. Боль сама пройдет».

Но она не проходила.

Она въедалась глубже, превращаясь в шрамы.

И тут во мне что-то щёлкнуло.

Ясность, смешанная с отчаянием.

Я не могла заставить его принять помощь из доброты.

Его мир не работал на таких понятиях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.